

ЭВОЛЮЦИЯ ВЛАСТНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ: НАЧАЛО*

Игорь Исаев
Аркадий Корнев
Сергей Липень

Московский государственный юридический университет (МГЮА),
Москва, Россия

THE EVOLUTION OF POWER TECHNOLOGIES: THE BEGINNING**

Igor Isaev
Arkady Kornev
Sergey Lipen

Moscow State Law University (MSAL),
Moscow, Russia

This article considers the historical patterns behind the evolution of power technologies, demonstrating that it is essential to form a paradigm of domination and submission and establish an apparatus or “machine” of power to regulate society. Methodologically, the paper relies on the twentieth-century philosophical teachings (phenomenology, structuralism, etc.) of M. Foucault, L. Mumford, G. Marcel, A. Weber, E. Jünger, J.-F. Lyotard, and others. The emergence of the administration of society and the apparatus of power relates to an increase in power, predictability, and control. Gradually, due to the constant recurrence of management procedures, power becomes imperative and technologies of power become more elaborate. The development of any system implies a tendency towards a more complex structure and functions, saving labour, resources, and energy. This is accompanied by the rational institutionalisation of bodies of the “mega-machine” of power, with management activity becoming more specialised and expansive. The article

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18–29–16124.

** Citation: Isaev, I., Kornev, A., Lipen, S. (2019). The Evolution of Power Technologies: The Beginning. In *Quaestio Rossica*. Vol. 7, № 2. P. 589–598. DOI 10.15826/qr.2019.2.395.

Цитирование: Isaev I., Kornev A., Lipen S. The Evolution of Power Technologies: The Beginning // *Quaestio Rossica*. Vol. 7. 2019. № 2. P. 589–598. DOI 10.15826/qr.2019.2.395 / Исаев И., Корнев А., Липень С. Эволюция властных технологий: начало // *Quaestio Rossica*. Т. 7. 2019. № 2. С. 589–598. DOI 10.15826/qr.2019.2.395.

demonstrates that relations of power emerge in society; gradually, the state as a peculiar political formation starts controlling processes underlying the implementation of political power. It is the state that becomes the most important component of the “mega-machine” of power, proclaiming itself as a protector of society and demanding complete submission. Elements of the sacral and magical which make it possible for one person or a few people to manipulate the behavior of others are originally inherent to relations of power, dominance, and submission, which helps overcome social chaos. The state also uses these elements.

Keywords: power; state; sovereignty; power apparatus; technology of power.

Исследуются исторические закономерности эволюции властных технологий, показаны необходимость и важность для упорядочения социума формирования отношений господства и подчинения, создания аппарата, «машин» власти. Методологической основой представленных рассуждений послужили философские направления XX в. (феноменология, структурализм и др.), работы М. Фуко, Л. Мамфорда, Г. Марселя, А. Вебера, Э. Юнгера, Ж.-Ф. Лиотара и ряда иных авторов. Возникновение феномена управления обществом, создание механизма, «машин» управления связывается с увеличением власти, предсказуемости и контроля. Постепенно через постоянную повторяемость управленческих процедур формируется качество императивности власти, создаются все более совершенные ее технологии. Внутренняя тенденция саморазвития любой системы предполагает стремление к усложнению структуры и функций, к экономии труда, ресурсов и энергии. Одновременно происходят рациональная институционализация отдельных органов «мегамашины» власти, специализация управленческой деятельности, расширение ее сфер. Показано, что властеотношения зарождаются в самом обществе, постепенно государство как особое политическое образование на определенном этапе своего становления начинает контролировать процессы осуществления политической власти. Именно государство становится самой важной составляющей «мегамашины» власти, оно объявляет себя защитником общества и требует полного подчинения себе. Властеотношениям, порядку господства и подчинения, преодолевающему социальный хаос, изначально присущи элементы магического и сакрального, позволяющие одному или немногим манипулировать поведением всех. Эти элементы также использует государство.

Ключевые слова: власть; государство; суверенитет; аппарат власти; машина власти; технология власти.

Формирование механизмов власти как технологии политического господства можно проследить на примерах, которые дают древние цивилизации. Создание первой мегамашины власти было настоящим техническим подвигом, который послужил моделью для всех после-

дующих форм механической цивилизации. Незримое сооружение, состоявшее из живых, но пассивных человеческих деталей, со временем было превращено в некую материальную структуру и во «всеобъемлющий свод установлений, охватывающий все стороны жизни» [Мамфорд, с. 249].

Тотальная механизация стала связываться с такими функциями, как непрерывное увеличение порядка власти, предсказуемости и контроля. Господство этой протонаучной идеологии привело к регламентации и деградации некогда независимой деятельности человека: впервые возникло и такое явление, как управление массами. «Прояснение массы темных иррациональных явлений нашей высокомеханизированной и мнимо рациональной культуры» показывает, что как в древности, так и теперь прогресс и прирост знания и производительности зачастую «перечеркивался столь же громадным ростом намеренных разорений, параноидально враждебных настроений, бессмысленных разрушений и чудовищного массового истребления людей» [Там же, с. 22].

Создатели машин были заняты преимущественно техническими проблемами и плохо представляли или идеализировали возможные результаты их применения. Слишком много факторов воздействовало на эти процессы одновременно. Очевидным было одно – люди надеялись подчинить себе природу, пространство и время. Подчинение же людей своей воле проистекало из самой сущности техники, требующей этого: первоначально формы власти, технической и власти над людьми, не были достаточно дифференцированы. Появление самостоятельной политической власти означало уже, что техника власти приобрела определенный приоритет над собственно человеческими нетехническими отношениями.

Жители Месопотамии рассматривали власть как силу, внутренне присущую приказу. Первая великая победа богов над силами хаоса, победа сил активности, была одержана именно с помощью власти, а не с помощью физической силы. Она и была выиграна благодаря власти, внутренне присущей приказу, благодаря магии, заключенной в заклинании. Все последующие технические революции скрытно или явно использовали этот метод воздействия, несмотря на изменения форм и условий, сопутствующих и определяющих эволюцию самой мегамашины, и на амбициозные претензии научно-технического новояза.

Свойственные машинной технике монотонная повторяемость действий и их рассчитанность формировали качество императивности, которая была неотъемлемой составляющей любой власти, любого приказа: власть тем самым как бы освобождалась от эмоциональных и этических наслоений и оставалась в сфере чистой технологичности. На этапе «механической революции» девизом власти могли стать слова: «власть работает как часы». Техника выхолащивала все действительно человеческие, пусть во многом и иррациональные мо-

менты, добиваясь наибольшей эффективности и демонстрируя свою рациональность и организованность в делах.

Но с каждым новым усилением диапазона реальной власти «из бессознательного неожиданно вырывались все новые причудливо садистские и убийственные импульсы» [Мамфорд, с. 239]. Одновременно с этим тяготение к власти, отличающие все ориентированные на небеса религии, со временем делалось самоцелью, что выражалось в стремлении достичь абсолютного контроля над природой и человеком. «Абсолютной власти, присущей царям, сопутствовали тщеславие, беспощадность, жестокость, привычка к принуждению» [Там же, с. 269]. Л. Мамфорд был уверен, что предприимчивость, самоуверенность и беспощадность, которыми обладали цари, чтобы достичь господства и удержать его, выросли из функции «охоты», в которой ранее всего выразились стремления к безграничной власти и особые техники властвования.

Отношения власти в плане разделения труда были укоренены в самой социальной сети. Формы и места, в которых одни люди управляют другими, многочисленны, они наслаиваются, пересекаются, ограничивают друг друга. Однако можно заметить и некую непрерывную этапизацию власти, когда государство начинает выступать как особая сила: отношения власти постепенно становятся все более «правительственными», то есть разработанными, рационализированными и централизованными в форме или под поручительством государственных институтов [Фуко, 2006, с. 186–187].

М. Фуко в своем историческом исследовании техник власти называет три важнейшие формы так называемой «экономии власти»: это, во-первых, «государство юстиции», возникшее в рамках территориальности феодального типа и в целом соответствующее «обществу закона, обычного и писаного права», предполагающему судебную состязательность, тяжбы и др. Во-вторых, административное государство, сформировавшееся в XV–XVI вв. в рамках территориальности, обусловленной границами (но не феодальное), которое соответствует обществу регламентации и дисциплины; наконец, это государство управления, определяемое не территориальностью, а массой, численностью, динамикой населения [Фуко, 2011, с. 165].

Возрастающие усложнения технических средств в силу свойственного им тяготения к экономии труда, ресурсов, энергии и времени требовали большей централизованности управления. Появление новых средств передвижения способствовало расширению сферы деятельности мегамашин власти, включения в их юрисдикцию новых территорий, экстенсивной экономической политики. Одновременно происходила рациональная институализация отдельных органов мегамашины, ориентированных на специальные отрасли и деятельность.

Механизмы и устройство господства составили вполне реальную основу нарождающегося глобального механизма. Структуры власти явились глобальными стратегиями, которые пересекали, поглощали

локальные формы тактики господства и использовали их. Техники господства тем самым составили реальную сеть отношений власти и основу ее глобальных механизмов: «Главная тема теперь даже не генезис суверена, а производство субъектов... Не суверенитет, а господство... формы господства, устройство господства» должны стать настоящим предметом анализа власти [Фуко, 2005, с. 63].

Уже Кант отличал форму осуществления господства от способа использования государством своей силы: если форма господства состоит в делегировании верховной власти суверену, то форма правления зависит от степени смешения исполнительной и законодательной властей. Другими словами, именно техника перемещения властной субстанции в конечном счете определяет и сущность властеотношения.

Государство же как особый институт политического на определенном этапе своего становления присваивает себе контроль над мегамашиной властвования и становится ее самой важной составляющей. Именно государство, объявив себя защитником общества, требует полного подчинения себе; государственный интерес (рожденный системой суверенитета) ставится тогда выше любых рациональных доводов и мнений. В этой ситуации технические знания из области абстракций весьма скоро переходят в область практического применения, где вместе с ожидаемыми от них благами несут в себе и непредсказуемые риски, а в науке теперь предпочитают видеть универсальную панацею от таких бедствий. Однако государства, эти «новые Левиафаны», теперь уже требуют, чтобы все научные исследования были направлены прежде всего на увеличение их собственной мощи в будущих конфликтах: создается впечатление, что именно государственная наука и техника становятся, по выражению Габриэля Марселя, без сомнения, одним из самых страшных бедствий нашего времени.

Поскольку техника приобретает, ее можно уподобить некоторому владению, привычке, которая, по сути, и сама есть некая техника. И если человек может стать рабом своих привычек, то он также вполне может стать и узником своих технических средств. Усовершенствование коммуникаций повсюду происходило за счет индивидуальности, которая все более нивелировалась [Марсель, с. 74–77].

Уже сам факт наличия власти предшествует учреждающему, опровергающему, ограничивающему или усиливающему эту власть праву. Прежде чем власть стала устанавливать свои правила, прежде чем она стала делегироваться, прежде чем она утвердилась юридически, она уже существовала как факт: «сначала возникает общество, и только потом – закон и управление» [Фуко, 2010, с. 378].

Общество – не только область солидарности и сплоченности, но и область разлада и распада: меняющееся соотношение принуждения и свободы, проявляющееся в процессе политической эволюции, как кажется, только углубляет разрывы и дифференциации, и власть в форме политического в своем апогее порождает дилемму и напряжение в паре «друг – враг» (по утверждению Карла Шмитта, в этом

и состоит сущность политического). Для машины власти это противостояние выражается в более масштабной дилемме «порядок – беспорядок», поэтому главной целью машины и высшей ценностью для ее действий всегда останется рациональное целеполагание, направленное на создание порядка из хаоса: смысл действий по управлению состоит в том, чтобы следовать по этому пути.

То же, что выходит за рамки рациональной, но всегда воображаемой управленческой программы, тогда уже кажется либо политически нейтральным (как временная ситуация), либо враждебным и должно быть непременно преодолено, ведь «техническое устремление к повторяемости и однородности (во всяком случае, в их оценке) здесь не терпит никаких исключений (того, что в ситуации суверенитета является нормальным источником напряженности и конфликта). Такая опасная для техники сила инородности заключается в ее нефункциональности, поскольку она выступает как суверенная форма, в неоднородности, которая формирует свою собственную власть, отрываясь при этом от “пустоты”: ее сакральное и таинственное зарождение из “неизменной однородности”, вдали от центра распределяется по многим периферийным очагам. Нарастает процесс распада. Образуются альтернативные очаги конденсации власти, пытающиеся подорвать устойчивость социальной однородности: «В их рассеянности и заключается грозная сила инородности, которой можно противопоставить только сравнимую с нею силу» [Батай, с. 97]; исключение здесь оказывается сильнее нормы, и оно же формирует необходимые ему новые нормы и новый порядок.

Технология власти именно поэтому концентрирует свое особое внимание на преодолении кризисов и конфликтов внутри системы, для чего ею используется техника гомеостазиса: для выработки руководящих норм власти всегда необходима обратная связь управляющего субъекта с объектом управления. Для сохранения системного равновесия власть поднимается над конфликтующими элементами структуры. По сути же власть в этой ситуации принадлежит и тяготеет не столько к чреватому конфликтом порядку столкновения двух противников или к обязательствам одного по отношению к другому, сколько к более стабильному и общему порядку управления.

Начало и сущность всякого политического господства всегда есть сила, независимо от того, возникает ли она из насилия или из добровольной договоренности, она «тот сосуд, куда вносится все, что предполагается при наличии политического господства формировать, защищать или создавать – право, свобода, богатство, благополучие или внешняя экспансия». Государственный интерес в Европе с момента своего возникновения, в сущности, «насыщение волчьего голода воплощенных в те времена в абсолютном правителе сил современного государства»: «политический биологизм власти» внедрял во внеевропейских странах всемирное господство Запада. «Современный капитализм и современная наука пестуются в этих политических обра-

зованиях, родственных формах, и прежде всего средствах усиления власти этого нового, приходящего к господству над существованием политико-биологического “звериного мира” [Вебер, с. 411–412].

Чтобы возник правовой порядок, требуется наличие устойчивого «нормального» порядка. Внутри «машины власти» нормализующие элементы просто обязаны превалировать, чтобы сохранить систему в целостности. Однако, когда ее устаревающие части начинают проявлять склонность к статичности, энергия конфликта сама по себе решает положительную задачу оздоровления. (А. Богданов в своей «Тектологии» красочно описывал процесс замены старых политических функционеров молодыми кадрами. На практике осуществлялись даже эксперименты по переливанию крови от молодых к старым функционерам, «человеку-машине» обновлялась энергетическая субстанция. Генная инженерия рождалась задолго до XX в.: когда ренессансные мыслители Фичино и Пико делла Мирандола говорили о достоинстве человека, они видели перед собой уже нового человека, натура которого исправлена при помощи новых техник преобразования. Магическое так и не уходило слишком далеко от технического и от прогресса.)

Как заметил Э. Юнгер, «менее всего знает время тот, кто не испытал на себе чудовищную силу “иного” и кто не уступил его соблазну. <...>. Ничто – сердцевина нигилистического отношения, в котором техника теряет свой смысл, оставаясь полностью только техникой» [Юнгер, с. 63, 95]. Когда чиновники впадают в «моральный автоматизм», это и свидетельствует о приходе нигилизма. Правда, нигилист не преступник в принятом смысле, так как для преступления нужно, чтобы существовал и действовал определенный порядок, здесь же переход совершается из морального контекста в автоматический. Там, где нигилизм стал нормальным явлением, индивиду остается только выбирать между видами несправедливости (Э. Юнгер): голая «аморальная» техника как форма власти и есть настоящий нигилизм. (Два великих страха охватывают человека, когда нигилизм достигает кульминации: «один основан на ужасе внутренней пустоты и принуждает человека любой ценой манифестировать себя вовне – проявлением власти, овладением пространством и повышенной скоростью. Другой страх воздействует извне, как атака могущественного мира, одновременно демонического и автоматического. На этой двойной игре и основана непобедимость Левиафана, которая иллюзорна и поэтому сильна» [Там же, с. 51–52]).

Политика – вот тот смысловой горизонт, в котором человек утверждает свои связи с миром, а общество и политика сущностно необходимо соразмерны человеческому существованию: человеческая жизнь получает здесь свою конституцию не только внешним юридическим образом, но и по своему существу. И политическая реальность есть форма преломления жизненных отношений личностей, ирреально противостоящих друг другу; в публичной жиз-

ни они, эти «игровые средства», и дают выход притязаниям на близость и дистанцию.

Внутри системы модерна уже содержался некий прозрачный намек на «непредставимое в самом представлении», отказ от «утешения посредством хороших форм», постоянный поиск новых представлений – и все это «не для того, чтобы насладиться ими, но для того, чтобы дать лучше почувствовать, что в наличии имеется и нечто непредставимое». Это и было рождением постмодернизма. Мегамашина на этом этапе своего становления решительно делает ставку на множественность и тем самым утрачивает единство: «технонаука принимает только успех», который устанавливается как санкция, как некий закон, который неведом. Она не только не завершает проект реализации чаемой всеобщности (идея, из которой мегамашина и рождалась), но лишь ускоряет процесс делегитимизации. И источником легитимизации оказывается отнюдь не «народ», который есть только идея, но что-то или кто-то иной: постсовременность, как это ни горько, начинается с оскорбления суверена – «народа» [Лиотар, с. 130–135].

Установлению «тайного типа правления», то есть его исключительной формы, соответствует и особый способ управления населением, для которого характерны два признака: административное правление не спрашивает у подданных ни их мнения, ни одобрения, а требует лишь подчинения и преданности; такой способ правления опирается на идеологию, согласно которой государственный интерес по-настоящему недоступен для тех, кто не посвящен в тайну.

При абсолютизме государственные интересы становятся синонимом общего блага. При такой форме правления публичность остается только ритуалом, вписанным в церемонизацию политической жизни, которая развивается в противовес все более тайному характеру принятия собственно политических решений: идея «секретной политики» имела смысл только тогда, когда политика была социально сконструирована и одновременно существовала как государственная власть и публичность [Ленуар, с. 176]. (Тогда тайна перестает быть составляющей власти и становится одним из средств ее отправления. На этом фоне чиновники становятся преемниками традиций королевской власти, но уже под знаменем «общественного служения».)

В рождающемся научном восприятии формальная логика уступает место менее точным системам, а четко выделяемые факты заменяются расплывчатыми явлениями, не отвечающими каноническому правилу «исключенного третьего» и требованиям необходимости: ассоциация идей строится по законам трудно определяемым, но реальным. Ассоциативность вообще становится доминирующей чертой нововременного мышления (К. Леви-Стросс): власть в таком представлении может быть расплывчатой и скрытой, поскольку она может реально осуществляться только после своего воплощения в действительность. Сама же юридическая техника относится к правилу,

как ремесло относится к искусству или как эксперимент – к науке. Этот прикладной характер техники и делает ее особенно перспективной в условиях, когда побеждает прагматизм, а не метафизика. Приказ кажется более реальным и полезным, чем закон. Магический романтизм обычно подчиняется власти суверенной и безапелляционной. Но и суверенитет как закрытое пространство власти довольно скоро сам падет под атаками приказных предписаний, регламентов и инструкций. Как в кибернетическом «черном ящике», на виду остаются только вход и выход, то же, что происходит внутри, останется покрытым тайной: это принцип, который машина очень скоро предъявит внешнему миру.

Список литературы

Батай Ж. Психологическая структура фашизма // Новое лит. обозрение. 1995. № 13. С. 80–102.

Вебер А. Прощание с прежней историей // Вебер А. Избранное : Кризис европейской культуры. СПб. : Университет. кн., 1998. С. 375–538.

Ленуар Р. Социальная власть публичного выступления // Поэтика и политика: альм. Рос.-франц. центра социологии и философии Ин-та социологии РАН. М. : Алетейя, 1999. 350 с.

Лиотар Ж.-Ф. Постмодерн в изложении для детей : Письма: 1982–1985 / пер. с фр., прим. и общ. ред. А. В. Гараджи. М. : РГГУ, 2008. 145 с.

Мамфорд Л. Миф машины : Техника и развитие человечества / пер. с англ. Т. Азаркович, Б. Скуратова. М. : Логос, 2001. 408 с.

Марсель Г. Люди против человеческого / сост., вступ. ст., пер. с фр., прим. В. П. Визгина. М. : Центр гуманитар. инициатив, 2018. 208 с.

Фуко М. Нужно защищать общество : Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1975–1976 учебном году. СПб. : Наука, 2005. 312 с.

Фуко М. Субъект и власть // Фуко М. Интеллектуалы и власть : избр. полит. ст., выступления и интервью / пер. с франц. Б. М. Скуратова ; под общ. ред. В. П. Большакова. М. : Практикс, 2006. Ч. 3. С. 161–191.

Фуко М. Рождение биополитики : Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978–1979 учебном году / пер. с фр. А. В. Дьякова. СПб. : Наука, 2010. 448 с.

Фуко М. Безопасность, территория, население : Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977–1978 учебном году / пер. с фр. В. Ю. Быстрова, Н. В. Суслова, А. В. Шестакова. СПб. : Наука, 2011. 544 с.

Юнгер Э. Через линию // Судьба нигилизма : Э. Юнгер, М. Хайдеггер, Д. Кампер, Г. Фигаль / пер. с нем. Г. Хайдаровой. СПб. : Изд-во СПбГУ, 2006. 222 с.

References

Bataille, G. (1995). *Psikhologicheskaya struktura fashizma* [The Psychological Structure of Fascism]. In *Novoe literaturnoe obozrenie*. No. 13, pp. 80–102.

Foucault, M. (2005). *Nuzhno zashchishchat' obshchestvo: Kurs lektzii, pročitannykh v Kollezh de Frans v 1975–1976 uchebnom godu* [We Need to Protect Society. A Lecture Series Delivered at the Collège de France between 1978 and 1979]. St Petersburg, Nauka. 312 p.

Foucault, M. (2006). *Sub'ekt i vlast'* [The Subject and Power]. In Foucault, M. *Intellektualy i vlast'*: *Izbrannye politicheskie stat'i, vystupleniya i interv'yu* / transl. by B. M. Skuratov, ed. by V. P. Bol'shakov. Moscow, Praxis. Part 3, pp. 161–191.

Foucault, M. (2010). *Rozhdenie biopolitiki: Kurs lektzii, pročitannykh v Kollezh de Frans v 1978–1979 uchebnom godu* [The Birth of Biopolitics. A Lecture Series Delivered

at the Collège de France between 1978 and 1979] / transl. by A. V. D'yakov. St Petersburg, Nauka. 448 p.

Foucault, M. (2011). *Bezopasnost', territoriya, naselenie: Kurs lektzii, pročitannykh v Kollezhe de Frans v 1977–1978 uchebnom godu* [Security, Territory, Population. A Lecture Series Delivered at the Collège de France between 1978 and 1979] / transl. by V. Yu. Bystrov, N. V. Suslov, A. V. Shestakov. St Petersburg, Nauka, 544 p.

Jünger, E. (2006). *Cherez liniyu* [Over the Line]. In *Sud'ba nigilizma: E. Jünger, M. Heidegger, D. Kamper, G. Figal* / transl. by G. Khaidarova. St Petersburg, Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta. 222 p.

Lenoir, R. (1999). *Sotsial'naya vlast' publichnogo vystupleniya* [The Social Power of Public Speaking]. In *Poetika i politika. Al'manakh Rossiisko-Frantsuzskogo tsentra sotsiologii i filosofii Instituta sotsiologii Rossiiskoi akademii nauk*. Moscow, Aleteiya. 350 p.

Lyotard, J.-F. (2008). *Postmodern v izlozhenii dlya detei. Pis'ma: 1982–1985* [The Postmodern Explained: Correspondence, 1982–1985] / transl. and ed. by A. V. Garadzha. Moscow, Rossiiskii gosudarstvennyi gumanitarnyi universitet. 145 p.

Marcel, G. (2018). *Lyudi protiv chelovecheskogo* [People vs. the Human] / transl. by V. P. Vizgin. Moscow, Tsentr gumanitarnykh initsiativ. 208 p.

Mumford, L. (2001). *Mif mashiny. Tekhnika i razvitie chelovechestva* [The Myth of the Machine. Technology and Human Development] / transl. by T. Azarkovich, B. Skuratov. Moscow, Logos. 408 p.

Weber, A. (1998). *Proshchanie s prezhnei istoriei* [Farewell to the Old History]. In Weber, A. *Izbrannoe: Krizis evropeiskoi kul'tury*. St Petersburg, Universitetskaya kniga, pp. 375–538.

The article was submitted on 12.11.2018